

«ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЛА» В ТУРКЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX В.: «ШПИОНОМАНИЯ», ИЛИ «ОХОТА НА ВЕДЬМ»

КОТЮКОВА

Татьяна Викторовна,

ст. науч. сотр., Институт всеобщей истории РАН (119334, Россия, г. Москва, Ленинский просп., 32а).

E-mail: kotyukovat@mail.ru

Аннотация. Публикуемая статья посвящена истории нескольких резонансных политических дел, которые как нельзя лучше иллюстрируют механизм принятия решений не только администрацией Туркестанского края, но и центральными органами власти Российской империи. В фокусе нашего интереса также находится роль Туркестанского районного охранного отделения в формировании «маний» и «фобий». Они возникали на благодатной почве некомпетентности, помноженной на желание карьерного роста отдельных высокопоставленных чиновников туркестанской администрации.

Ключевые слова: Туркестан, мусульмане, политические дела, Министерство внутренних дел, шпиономания, панисламизм, пантюркизм.

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-155-176

Первая мировая война еще не началась, а Русский Туркестан уже находился на передовой «невидимого фронта», на котором за несколько лет до официального начала войны мировой кипела война разведок и агентов влияния. Силы МИД, МВД и Военного министерства были брошены на борьбу с германскими, турецкими, афганскими и прочими шпионами. Однако равноценная, если не бóльшая, угроза стабильности в регионе исходила от мусульманского населения самого Туркестана. Так считали многие высокопоставленные чиновники, особенно из МВД. По их мнению, мусульмане края представляли собой пятую колонну, за умонастроениями которой следовало осуществлять постоянный контроль.

«Аллаху молись, а верблюда привязывай» — гласит восточная мудрость. И в Туркестане решили, как водится по старой доброй традиции, что лучше перестраховаться.

Дело депутата Кариева

В 1909 г., возможно по фабрикованному доносу (написан на тюркском языке и от имени

мусульманского населения), депутат II Государственной думы от оседлого коренного населения Ташкента и Сырдарьинской области Абдувахит-кары Абду-Рауф Кариев был обвинен в пропаганде националистических и сепаратистских идей¹ и арестован. К доносу был приложен текст воззвания, которое будто бы писалось и распространялось Кариевым. В нем от имени партии социалистов-революционеров излагалась мысль, что царь хочет отобрать у мусульман землю и передать ее русским переселенцам, а избирательного права Туркестан лишили для того, чтобы об этом беззаконии не узнали².

Абдувахит-кары Абду-Рауф Кариев родился в 1859(5?) г. в Ташкенте. Получил высшее духовное образование в медресе Карахана Иногам Ходжи³. В 1907 г. в результате острейшей борьбы он стал депутатом II Государственной думы.

Не всем такой исход голосования был по душе, поэтому часть выборщиков направила 12 февраля 1907 г. телеграмму министру внутренних дел и протест в Государственную думу, указывая, что Кариев не знает русского языка и по закону не может быть депутатом. Они просили устроить ему экзамен, прежде чем его депутатский мандат получит подтверждение⁴.

Жалобы возымели свое действие. Мандатной комиссией Государственной думы был устроено освидетельствование на предмет знания Кариевым русского языка. Комиссия согласилась с очевидным — недостаточным владением русским языком, однако результаты выборов не были аннулированы. Имперская политика, вопреки стереотипу, не была безликой. Ее делали конкретные люди, которые могли быть как оголтелыми шовинистами, так и дальновидными, разумными или просто порядочными людьми. Сложно сказать, что конкретно, возможно, какой-то комплекс ощущений от общения с благообразным муллою из Ташкента, позволил принять членам мандатной комиссии одновременно мудрое и либеральное решение. Депутатский статус Абдувахит-кары был все-таки подтвержден на 41-м заседании II Государственной думы⁵.

М. М. Боиович, биограф депутатов Государственной думы второго созыва, отметил этот факт в крошечной биографической справке таш-

¹ В ЦГА РУз в фонде Туркестанского районного охранного отделения хранилось дело № 367 «Об обысках и арестах бывшего члена II Государственной думы, мударриса при медресе в мечети Мирза Абдулла в Ташкенте Кариева и других заподозренных в противоправительственной агитации за вооруженное восстание туземцев-мусульман в целях отделения Туркестана от империи». К сожалению, оно утеряно, но в работах Е. Федорова «Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии» и К. Икрамова «Дело моего отца» некоторые документы из этого дела были опубликованы.

² *Икрамов К.* Дело моего отца. М., 1991. С. 82.

³ *Боиович М.М.* Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Второй созыв. М., 1907. С. 500.

⁴ Туркестанский сборник. Т. 417. Ташкент, 1907. С. 181.

⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. Сессия II. СПб., 1907. Т. 2. С. 783.

кентского депутата: «Не знает ни русской грамоты, ни русского языка, что не согласно с 55-й ст. Положения о выборах в Государственную думу»¹.

Оппозиционная печать в Туркестане была на стороне Кариева. Она считала, что «более прогрессивные избиратели выставили левого кандидата... и счастье выпало на его долю», после чего администрация через подставных «туземцев» попыталась опротестовать выборы, сославшись на то, что Кариев не говорит по-русски². Согласно документам, приводимым в книге Камиля Икрамова «Дело моего отца», после роспуска Думы Кариев сам признавался в том, что «не знал русского языка»³.

Несмотря на отсутствие возможности плодотворной парламентской деятельности, Кариев исправно посещал все парламентские заседания и собрания мусульманской фракции, членом которой являлся. Сохранился десяток фотографий, где он вместе с коллегами-депутатами с удовольствием позировал для истории в восточном халате и чалме. Так в Государственной думе не одевался больше никто, даже в мусульманской фракции.

Вернувшись после роспуска Думы в Ташкент, Кариев опять стал преподавать при мечети. И до 1909 г., как, впрочем, и ранее, не попадал в поле зрения охраны.

Начальник ТРОО Л. А. Квицинский в 1909 г. сообщал директору Департамента полиции, что в результате обыска, проведенного на квартире А. Кариева, была найдена обширная переписка и большое количество изданий на персидском, тюркском и арабском языках. Интересна последняя фраза телеграммы: «Значение обнаруженного в смысле вещественных доказательств материала для розыска сможет определиться только при детальном рассмотрении всего обнаруженного переводчиками»⁴.

Но переводчика пригласили только через какое-то время, сразу решив, что здесь однозначно пахнет панисламизмом и сепаратизмом.

Из переписки начальника ТРОО и генерал-губернатора за 1909 г. мы узнаем, что документов и книг, обнаруженных у Кариева во время ареста, было недостаточно для «полного уличения его и его единомышленников в приписываемом им преступлении»⁵.

При обыске у Кариева нашли два письма, будто бы написанные им самим и в русском переводе, начинающиеся словами «Любезный брат» и «О, смиренные мусульмане». Следствие установило, что это не подлинники, а копии писем, которые «по своему стилю и отдель-

¹ Боиович М. М. Указ. соч. С. 500.

² Туркестанский сборник. Т. 417. Ташкент, 1907. С. 182.

³ Икрамов К. Указ. соч. С. 69.

⁴ Цит. по: Там же. С. 64.

⁵ ЦГА РУз. Ф. И-463. Оп. 1. Д. 12. Л. 79.

ным выражениям могли быть написаны сартом, знакомым с революционными воззваниями на татарском языке».

Так выглядел примерный список документов, обнаруженных у Кариева при обыске, который приводится в книге Камиля Икрамова: инструкция на сартовском наречии, врученная Кариеву как члену Государственной думы выборщиками города Ташкента; инструкция членам мусульманской фракции Государственной думы от выборщиков Аулие-Атинского и Чимкентского уездов Сырдарьинской области (Кариев пояснил, что этот документ он получил уже в Думе от секретаря мусульманской фракции); черновик прошения жителей г. Ташкента туркестанскому генерал-губернатору, написанный собственноручно Кариевым; два экземпляра прошения жителей г. Ташкента сенатору графу Палену, написанного собственноручно Кариевым; прошение сенатору графу Палену, которое, по утверждению Кариева, ему передал Мунаввар-кары Абдурашидханов; прошение «бесприютного и несчастного», которое было получено Кариевым в Петербурге по почте; записка об отличительных чертах конституционного и республиканского образов правления (происхождение этого документа бывший депутат объяснить не смог); письмо, автор которого просил писать ему о недостатках русской администрации в Туркестане и выражал упрек ташкентским мусульманам за то, что они не сообщают ему о своих нуждах (Кариев объяснил на допросе, что это письмо писал он совместно с членом Государственной думы Максудовым); письмо без подписи, написанное на имя какого-то корреспондента, представляющее собой ответ на статью, опубликованную в японской газете «Чин-Чубан» (Кариев заявил, что видит это письмо впервые)¹.

Одновременно с арестом в 1909 г. Кариева охранка проверила все книжные лавки в старой части города, и только в одной из них у Магомета-Пасиха-муллы Алимагометова был обнаружен единственный экземпляр брошюры, посвященной съезду мусульман в Нижнем Новгороде в 1906 г. Из этого начальник ТРОО сделал вывод, что «брошюра эта не являлась ходким товаром, а следовательно, можно полагать, что среди местного населения не было интереса к затронутым в ней вопросам»².

Вместе с Кариевым были арестованы еще четыре преподавателя мусульманских школ Ташкента. По их словам во время допроса, вернувшись после роспуска Думы, Кариев объявил народу в мечети, что Дума распущена по воле государя и что Туркестан теперь лишен возможности «докладывать о своих нуждах»³.

¹ Цит. по: Икрамов К. Указ. соч. С. 83–85.

² ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 64 об.

³ Икрамов К. Указ. соч. С. 65–66.

Арестованные всячески отрицали свою близкую связь с ним и отвергали свою причастность к двум указанным выше письмам.

Как видно из приведенной описи найденных у Кариева документов, несколько из них были адресованы графу Палену. Нельзя исключать возможность личной встречи с сенатором, и вот почему. Пален очень интересовался «мусульманским вопросом» в Туркестане и даже собрал массу документов. Наверняка ему нужны были консультации образованного «по-мусульмански» человека, имевшего к тому же и соответствующий статус — депутат Государственной думы. Такая встреча могла вызвать зависть коллег и настороженность местных чиновников.

Кто же мог написать донос на Кариева и других ташкентских мулл?

Камиль Икрамов пишет, что один из задержанных высказал предположение, что это мог сделать коллега по педагогическому цеху Мунавар-кары Абдурашидханов или кто-то из его ближайшего окружения. Во время революции 1917 г. Абдурашидханов продолжал быть ярким оппонентом Кариева, а в 1919 г. «очень враждовал» с Акмалем Икрамовым, племянником Кариева и по совместительству в 1921–1922 гг. секретарем ЦК компартии Туркестана¹.

Существовала ли вражда или профессиональная конкуренция между двумя приверженцами новых методов обучения в мусульманских школах? А может быть, такого рода письма «на тюркском языке» заказная провокация? Ответить сложно. Эта детективная история с доносами еще ждет своих исследователей.

Сам Кариев на допросе называет другое имя — Таджибай Иса Мухаммедов². 9 февраля 1909 г. последнего допросили в качестве свидетеля. Мухаммедов подтвердил факт вражды с Кариевым, но про антиправительственную деятельность последнего не сказал ни слова.

Протоколы допросов Кариева, других подозреваемых и свидетелей по этому запутанному делу были направлены генерал-губернатору. Вскоре последовала резолюция: «Охранному отделению без явных улик и без убеждения в опасно-вредной деятельности не арестовывать. Обследование о Кариеве и ближайших его помощниках произвести со всей полнотой. Предъявленный протокол этого характера не имеет»³.

Казалось бы, подобная резолюция подразумевала окончание следственных действий и освобождение арестованных, однако 26 февраля 1909 г. Квицинский получил документ, в котором говорилось, что первопричиной заведения уголовного дела явились доносы местным полицейским властям на «туземном языке» и как бы «от имени

¹ Икрамов К. Указ. соч. С. 67.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 76.

туземцев». Раз так решили в охранке, то среди мусульманского населения Ташкента и Ташкентского уезда имеется группа лиц, хорошо знакомая с деятельностью Кариева и его кружка, недовольная этой деятельностью и «желающая прийти на помощь властям»¹.

3 марта 1909 г. туркестанский генерал-губернатор П. А. Мищенко разрешил Кариеву, содержащемуся под стражей в Ташкентской городской тюрьме, свидание с матерью у нее дома. Пожилая женщина была очень больна и могла не дожидаться сына².

Кариев был выслан на 5 лет в Тульскую губернию. Камиль Икрамов описывает в своей книге случай, будто бы произошедший с Кариевым в Туле. Ташкентский мулла вылечил травами дочь тульского полицмейстера, за что досрочно был возвращен в Ташкент³. В Государственном архиве Тульской области нам не удалось найти документального подтверждения этой истории.

А вот в Ясную Поляну Кариев ездил, и встреча с Львом Толстым была. Она состоялась незадолго до смерти писателя, 24 сентября 1910 г. «Был посетитель, — записал в дневнике личный секретарь Льва Николаевича В. Ф. Булгаков, — мулла Абдул-Лакхим (речь идет о Кариеве. — Т. К.)... Его вследствие интриг врагов, как он рассказывал, выслали на шесть лет (в книге К. Икрамова пять лет. — Т. К.) в Тульскую губернию из Ташкента, где у него домик, две жены и восемь человек детей»⁴.

В ссылке Кариев получал от правительства 2 руб. 40 коп. в месяц. Во время религиозных праздников он читал Коран немногочисленным мусульманам, жившим в Туле и ее окрестностях. За это они собирали ему небольшие пожертвования, и мулла был очень доволен.

Булгаков записал свою беседу с Толстым о Кариеве. У великого писателя сложилось совершенно определенное впечатление о госте с Востока: «С каким трудом, — говорил о нем Толстой, — проникают в сознание религиозные взгляды! Я сужу по сегодняшнему мулле: это — полная непроницаемость для религии! Он — политический, весь пропитан политикой. Все хвалится, что знает наизусть Коран. А ведь Коран написан по-арабски, так что большинство, простой народ, мусульмане не понимают его»⁵. Толстой испытывал интерес к арабской культуре. Он немного знал арабский, изучал его в университете.

Но все же обнаружилось и общие взгляды Толстого и Кариева. В ту единственную встречу они говорили о собственности. Кариев

¹ ЦГА РУз. Ф. И-463. Оп. 1. Д. 12. Л. 79 об.

² Там же. Л. 20–20 об.

³ Икрамов К. Указ. соч. С. 17.

⁴ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л. Н. Толстого. М., 1989. С. 337–338.

⁵ Там же. С. 338.

доказывал, что собственность допустима, но до известной границы. Льву Николаевичу этот взгляд показался близким.

В октябре 1911 г. в связи с пятилетием Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде между начальником ТРОО и управляющим Канцелярии генерал-губернатора состоялась переписка, в которой начальник охраны сообщал о том, что в крае все спокойно и нет никаких оснований думать, что в Туркестане существовали или существуют «мусульманские организации противоправительственного характера» и что идеи, сформулированные участниками съезда в 1906 г., проникли или тем более получили поддержку в среде местного мусульманского населения, поскольку во время обыска у Кариева «не было добыто данных, кои указывали бы на то, что противогосударственная пропаганда имела успех и что ему удалось составить группу, объединенную противоправительственными стремлениями»¹. Вот так. Получается, Кариева ни за что отправили в ссылку?!

С уверенностью мы можем предположить одно — пребывание, пусть и очень короткое, в Государственной думе, знакомство с политическими деятелями России, в первую очередь мусульманскими, арест и политическая ссылка, встреча с Л. Н. Толстым в Ясной Поляне — все это вполне могло наложить определенный отпечаток на политические воззрения А. Кариева, что становится очевидным в 1917 г.

В 1917–1918 гг. Кариев — первый председатель краевой мусульманской партии «Шур-и-Исламия», образованной одной из первых и являвшейся политическим оппонентом партии «Шуро-и-Улема». С 1919 по 1920 г. он возглавлял Духовное управление мусульман Туркестана. Вместе с Г. И. Бройдо, чрезвычайным уполномоченным РСФСР в Хиве и Амударьинском отделе, в 1920 г. А. Кариев объездил 14 округов, приняв участие в проведении предвыборной кампании в Курултай Хорезмской Народной Республики².

С 1921 по 1922 г. он — член Верховного суда Туркестанской Республики. В 1926 г. — представлял Туркестан на Всемирном мусульманском конгрессе в Мекке. «Советское правительство, — вспоминал его сын, — поручило ему не голосовать за халифа. Он выполнил это поручение»³. Будучи человеком глубоко религиозным, тем не менее стремился к светским наукам. После Октябрьской революции он отдал своих детей в советскую школу.

В 1933 г. А. Кариев, как и многие представители национальной интеллигенции и духовенства, был арестован, но вскоре освобожден.

В 1909 г. Кариев не мог представить тех крутых перемен, которые произойдут в крае спустя всего одно десятилетие, что его племянник

¹ ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 63 об.

² См.: *Генис В. Л.* «Бутафорская революция», или Российское полпредство в Хиве в 1920 г. // Восток. 2000. № 2. С. 5–26.

³ *Икрамов К.* Указ. соч. С. 91.

Акмаль Икрамов станет секретарем ЦК компартии Туркестана. И репрессируют, их, Абдувахита Кариева, бывшего депутата II Государственной думы, и Акмаля Икрамова, 1-го секретаря ЦК КП(б) Узбекистана, секретаря Средазбюро ЦК ВКП(б), в злосчастный 1937 г.

В 1937 г., через несколько месяцев после повторного ареста, Кариев умер в тюрьме. Сын А. Икрамова, Камиль Икрамов, написал книгу «Дело моего отца», в которой изложил и события, связанные с арестом А. Кариева в 1909 г.

Дело мударриса Абдурашидханова

Арест Кариева в 1909 г. имел широкий общественный резонанс и не скоро был забыт. К нему, как к беспрецедентному случаю, обращались вплоть до 1917 г.

Так, 3 сентября 1910 г. и. о. главного инспектора народных училищ Туркестанского края Н. П. Остроумов направил управляющему Канцелярией туркестанского генерал-губернатора В. А. Мустафину перевод анонимного письма, где подробно описывалась «противоправительственная деятельность» старшего учителя новометодного мактаба Ташкента Мунавар-кары Абдурашидханова.

Остроумов делает ремарку и подчеркивает: «...о котором еще при генерал-губернаторе Н. И. Гродекове была серьезная переписка между Канцелярией генерал-губернатора и Сырдарьинским областным правлением»¹.

Описывая деяния Мунавар-кары аноним восклицает: «Удивительно то, что Абдувахид-кары (мулла Шайхантаурской мечети) за одно лишь подозрение его в распространении антиправительственной агитации был сильно наказан, а между тем Мунавар-кары и Салих-кары, старающиеся постоянно устраивать восстания против правительства в громадном Туркестане и действуя во вред государству, остаются до сих пор безнаказанными. Это очень удивительно!»²

Действительно, в феврале 1908 г. Н. П. Остроумов в письме к генерал-губернатору Гродекову делился с ним мыслями относительно Абдурашидханова и его участия в издании известной в кругах национальной интеллигенции газеты «Шухрат»³. Газета начала издаваться в декабре 1907 г. Чиновники Сырдарьинской областной администрации характеризовали ее деятельность как «вредную», поэтому воен-

¹ ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 948. Л. 20.

² Там же. Д. 1116. Л. 70 об.

³ Ранее, в сентябре 1906 г., в крае начала выходить газета «Хуршид» («Солнце»), редактором которой был Мунавар-кары. За антиправительственную направленность она подвергалась гонениям.

ный губернатор подал прошение генерал-губернатору о ее закрытии¹. 14 февраля 1908 г. издание прекратило свое существование².

По твердому убеждению Остроумова, газета служила «живым отголоском татарских газет», издававшихся в Казани и Оренбурге, и выпускалась отнюдь не с целью получения коммерческой выгоды. Газета «Шухрат» печаталась всего в тысяче экземпляров, и сбор с подписчиков не оправдывал всех расходов по ее изданию. Для Остроумова было очевидным, что газета пользуется посторонней субсидией или рассчитывает на таковую³.

В конце письма Остроумов делает однозначный вывод — продолжение издания газеты не может быть признано желательным ввиду ее политического направления, «отзывающегося татарским духом», и «смуты», переживаемой самой Россией, отголоски которой проникают в местную мусульманскую среду и производят на нее разлагающее действие⁴.

В анонимном письме Мунавар-кары приписывались различные «неблагоприятные» для русской власти действия, сведения о которых появлялись не только в русских мусульманских газетах, но и в турецких⁵.

С другой стороны, согласно агентурным сведениям охраны, Мунавар-кары представал как сторонник русского владычества, «так как оно благотворно отзывается на покоренных мусульманах, которые перестали быть дикими и проникаются духом культуры»⁶. Первое время, когда Мунавар-кары ввел в своей школе преподавание русского языка, его называли «кяфир-кары», то есть «неверный знаток Корана».

У Абдурашитханова, безусловно, были недоброжелатели в консервативной среде кадимистов. Так, Остроумов, анализируя ситуацию вокруг газеты «Шухрат», отмечал, что рассчитывать на сочувствие местных жителей Мунавар-кары пока не может, поскольку он «был бит туземцами за одну свою статью, в которой резко отзывался о туземных учителях (мударрисах)»⁷. При этом у него вполне могли быть недоброжелатели и в ближайшем окружении. Ясно одно — Абдурашидханов находился под пристальным вниманием не только лиц, отвечавших в крае за «мусульманский вопрос», но и оппонентов из местной мусульманской среды.

¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 4. Д. 1216. Л. 2–6.

² Там же. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 57. Л. 605.

³ Там же. Л. 605 об.

⁴ Там же. Л. 606.

⁵ Там же. Д. 948. Л. 20.

⁶ Там же. Д. 2144. Л. 51.

⁷ Там же. Д. 57. Л. 605 об.

В 1917 г. Мунавар-кары стал одним из основателей партии «Шуро-и-Исламия» и участвовал во всех четырех краевых мусульманских съездах. В ноябре 1917 г. организовал в Ташкенте митинг в поддержку образования Туркестанской автономии. В 1929 г. был арестован, в 1931 г. расстрелян¹.

Сообщения о крамоле в среде мактабдаров-новометодников приходили и на русском языке. Например, в ноябре 1908 г. инспектор Ташкентской учительской школы Александр Горичкин, состоявший в распоряжении ревизовавшего Туркестан К. К. Палена, писал тому в донесении о существовании в Туркестанском крае тайной мусульманской организации, поставившей перед собой задачу «путем открытия новометодных школ воспитывать мусульманское юношество на идеях создания в будущем мусульманского государства»².

Дело Хана Йомудского: «свои среди чужих, чужие среди своих»

О национальной интеллигенции Туркестана начала XX в. в отечественной историографии написано только в общих чертах. За последние несколько десятилетий, говоря о национальной интеллигенции или национальной элите, исследователи и специалисты, занимающиеся этим вопросом, пока не смогли четко сформулировать разницу между этими понятиями (возможно, ее просто нет), и чаще всего анализируют феномен модернистов-джадидов.

Но был еще один крайне малочисленный архетип национальной элиты. Он, как могло показаться на первый взгляд, был абсолютно интегрирован в элитарную (дворянскую) среду империи, пользовался всеми доступными правами и привилегиями.

В Туркестане таких людей были единицы — «свои среди чужих и чужие среди своих». При этом им, хотя они имели русские имена и были официально православными, не доверяли, и если представлялась возможность, то не забывали им напомнить, что они «чужие».

В 1914 г. в Закаспийской области Туркестанское районное охранное отделение разбирало дело «о политической благонадежности жителей г. Мерва, подозреваемых в сборе денег среди мусульман в пользу Турции для панисламистских организаций», в котором одним из главных фигурантов проходил подполковник русской армии в отставке, георгиевский кавалер³, туркмен-йомуд православного (по официаль-

¹ Алимova Д. А. История как история, история как наука. Феномен джадидизма. Т. 2. Ташкент, 2009. С. 169–170.

² РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 391. Л. 82.

³ Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиографический словарь / сост. М. К. Басханов. М., 2005. С. 250.

ной версии) вероисповедания, Николай Николаевич Хан Йомудский. Было у Николая Николаевича и туркменское имя — Караш-хан.

Его дед Кият-хан, вождь племенной группы иранских йомудов, был союзником России в годы Русско-персидской войны (1826–1828). После того как Россия укрепилась на Каспии и мир с Персией был установлен, к Кият-хану охладели. Николай I пригласил его в столицу, но по дороге кортеж под благовидным предлогом был задержан в Тифлисе. Кият-хана окружили почетом и вниманием, но это был плен, в котором он скончался, так и не увидев больше родины.

Сыновья пытались освободить отца. В ответ на просьбы отпустить Кият-хана царское правительство потребовало гарантий, а точнее заложников. Одновременно с этим младший сын хана Анна-Мухаммед был принят на службу в уланский полк и отправлен в город Каменец-Подольский. Начав службу солдатом, он дослужился до командира Белгородского уланского полка, стал георгиевским кавалером, героем Шипки. Позже он крестился и стал Николаем. Одного из своих сыновей Николай-Анна-Мухаммед тоже назвал Николаем.

В 1885 г. Анна-Мухаммед вернулся на родину и через год скоропостижно скончался в Красноводске. По одной из версий он был отравлен, поскольку не скрывал своих взглядов, в верноподданнических настроениях замечен не был.

Уважая его военные заслуги, русское правительство взяло на себя опеку над его детьми. Юношей определили в кадетские корпуса, девушек — в институты благородных девиц. Все были утверждены в «потомственном дворянстве», всех назвали христианскими именами, установив необходимость креститься.

Николай Николаевич был выпускником Полтавского кадетского корпуса, Павловского военного училища и Санкт-Петербургского университета¹. Службу начинал в 1-м Закаспийском стрелковом батальоне. С 1889 г. служил в администрации Закаспийской области по линии военно-народного управления и пользовался большим авторитетом у местного населения. Русская власть также доверяла ему. В январе 1908 г. он в качестве эксперта входил в особую комиссию по разработке нового проекта Положения об управлении Туркестанским краем. В 1909 г. участвовал в ревизии сенатором К. К. Паленом Туркестана.

12 марта 1909 г. царь удовлетворил прошение Николая Николаевича об изменении фамилии Йомудский на Хан Йомудский и утвердил за ним и его потомками дворянское звание. В 1910 г. он вышел в отставку по состоянию здоровья, но продолжал принимать активное участие в местной жизни.

¹ Кадиров Ш. «Нация» племен. М., 2003. С. 327; Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь / сост. М. К. Басханов. М., 2005. С. 250–251.

Женат Хан Йомудский был на Елизавете Захаровне Першиной и имел 7 детей.

2 июля 1913 г. Хан Йомудский был арестован в порядке статьи 21 Положения об усиленной охране по обвинению в причастности к антиправительственной агитации. На следующий день в его квартире был проведен обыск. 6 июля обыск повторили и за квартирой установили наблюдение. Арест вызвал брожение среди туркмен.

ТРОО поспешило выдать на нового арестанта следующую политическую характеристику: «Во время его службы по военно-народному управлению неоднократно поступали сведения, что он оказывает вредное влияние на туркмен в узконациональном духе... Укладом своей домашней жизни, по крайней мере для туркмен, Хан Йомудский старается показать, что он так же живет, как и вообще туркмены. Жена и дети ходят в туркменских костюмах и называются туркменскими именами. Ходят слухи, что дети Йомудского, несмотря что некоторым исполнилось 17–20 лет, до сих пор не крещены»¹.

Николай Николаевич был боевым офицером и пользовался уважением офицеров Азиатской части Главного штаба. Так, в докладной записке по Главному штабу от 27 июля 1913 г. генерал-майор Цейль на имя военного министра В. А. Сухомлинова по «делу» Хана Йомудского, отстаивая доброе имя Николая Николаевича, не стеснялся резких и прямых выражений в адрес первых лиц администрации Закаспийской области².

Министр Сухомлинов вмешался в дело лично. В письме к временно исполнявшему обязанности туркестанского генерал-губернатора В. Е. Флугу он настаивал на объяснениях и крайне осторожном отношении к туркменскому населению области. «Их всегдашняя, засвидетельствованная всеми в течение многих лет лояльность, — подчеркивал министр, — и преданность нам могут подвергнуться тяжелому испытанию, если принятые суровые меры не найдут себе подтверждения в достаточной вескости причин, их вызвавших»³.

В ответ генерал Флуг сообщал, что в Закаспийской области задержана целая «шайка» опасных государственных преступников, организовавших целую «антиправительственную партию», идейным вдохновителем которой и руководителем, по мнению начальника Закаспийской области и ТРОО, является Хан Йомудский⁴. Преступная «шайка», ведшая антиправительственную агитацию, имела странный персональный состав. В нее входили помощник начальника Закаспийской области полковник С. В. Жуков (впоследствии был переведен на службу в Ферганскую область), бывший переводчик областной

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4266. Л. 24–24 об.

² Там же. Л. 38–39.

³ Там же. Д. 4265. Л. 40.

⁴ Там же. Л. 42–42 об.

администрации Мамед Ораз-оглы (выслан на год в Уфу), заведующий Мервской русско-туркменской школой Атабаев и отставной подполковник с частной адвокатской практикой Хан Йомудский.

Компания, что называется, как на подбор. Вот, например, один из «подельников» — Атабаев. Мы уже встречались с ним как с одним из авторов «Закаспийской туземной газеты», учрежденной администрацией Закаспийской области в 1914 г., через год после описываемых событий. Мухаммедкули Атабаев родился в 1885 г. В 1905 г. окончил Бахарденскую русско-туркменскую школу, а в 1908 г. — Ташкентскую учительскую семинарию и летние учительские курсы в Петербурге. В 1908–1913 гг. Атабаев работал учителем русско-туркменской школы в г. Мерве¹.

Но вернемся к Хану Йомудскому. Через несколько дней из командировки в Петербург в край возвратился действующий генерал-губернатор Самсонов. Первым делом он лично написал военному министру о том, что не верит в виновность Хана Йомудского. Самсонов трезво оценивал ситуацию и хорошо отзывался о Николае Николаевиче².

20 августа 1913 г. за отсутствием доказательств Хана Йомудского отпустили³. Он уехал в Варшаву. 12 октября 1913 г. из Польши он пишет Самсонову: «Я знаю и утверждаю, что я работал честно, а врагами правительства являюсь не я, а именно доносившие на меня Пальчевский, Цуриков и Завалишин (чины областной администрации. — Т. К.), которые топчут ногами закон и право и подрывают в населении прочно установившуюся веру и уважение в русскую власть и законность»⁴.

Йомудский направил военному министру жалобу на незаконные действия администрации Закаспийской области. В ноябре 1913 г. было назначено министерское расследование под руководством помощника начальника Главного военно-судного управления, генерал-майора В. Е. Игнатовича⁵.

Игнатович начал работу с того, что направил письма всем фигурантам дела, включая тех, кто уже был переведен на службу в другие регионы империи, но ранее давал свидетельские показания (в основном обвинительного характера) против Хана Йомудского. Кроме того, он стал перепроверять и показания самого Хана, указывавшие на грубые нарушения и злоупотребления служебным положением чиновников администрации Закаспийской области.

В ходе расследования было установлено, что «дело» против Хана Йомудского и ряда лиц являлось не чем иным, как местью областных

¹ В 1916 г. Атабаев скончался.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4265. Л. 48–50.

³ ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1398. Л. 1 об., 24, 30, 36.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4265. Л. 72.

⁵ Там же. Л. 9.

чиновников за то, что Николай Николаевич в период ревизии Палена «изобличал неправомерные и противозаконные действия чиновников Закаспийской областной администрации». Из политического дело было переqualифицировано в дело «о превышении служебных полномочий» областными чиновниками среднего звена, пытавшимися под прикрытием обвинений в националистической агитации свести личные счеты с честным и порядочным человеком, который вывел их на чистую воду.

Интересовался судьбой Хана Йомудского и А.Н.Самойлович. В письмах к друзьям и знакомым в Закаспии он спрашивался о его судьбе. Г.В.Епинатьев, доктор медицины, глазной врач, живший в Мерве, на вопросы Самойловича 5 марта 1914 г. отвечал: «О действиях Игнатовича ничего не слышно и мало говорят. Вообще удивительно индифферентно относятся к делу об аресте Хана и К.»¹.

Спустя год на допросе в ТРОО 29 октября 1914 г. один из местных коммерсантов, М.А.Асцатуров, вновь показал, что Хан Йомудский при всяком удобном случае внушал туркменам, что они обмануты русским правительством, которое не держит своих обещаний, данных при присоединении края. Кроме того, по словам свидетеля, хан убеждал туркмен объединиться для защиты своих интересов, «так как в противном случае русские на их мечетях повесят колокола, заберут их земли, заселят их мужиками и туркмен сделают христианами»².

Очередное «дело», вернее, то, как топорно оно было кем-то сфабриковано, во многом напоминало историю Кариева и Абдурашидханова с той лишь разницей, что Хан Йомудский был офицером русской армии, получил блестящее образование и являлся георгиевским кавалером³. В 1915 г. 47-летний подполковник ушел на фронт и доблестно воевал в составе 542-й пешей Казанской дружины.

В октябре 1917 г. Николай Николаевич заявил о поддержке советской власти. После белогвардейского переворота в Закаспии скрывался в аулах йомудов. Своей агитацией удержал йомудов от службы Закаспийскому правительству белых. Опасаясь ареста, летом 1919 г. эмигрировал в Персию. Вернулся в Советскую Россию и с 1920 г. работал на ниве народного образования. В 1924 г. добился разрешения основать первое учебное заведение для туркменских детей в Москве «Туркменский дом просвещения». В 1920-е гг. Николай Николаевич много занимался изучением истории и этнографии туркмен. Последним местом его работы стал Государственный музей ТССР. Умер Хан Йомудский в Кисловодске в 1928 г.⁴

¹ АРАН(СПб). Ф. 782. Оп. 2. Д. 21. Л. 4.

² ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1560. Л. 5-5 об.

³ Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиографический словарь / сост. М.К. Басханов. С. 250.

⁴ *Кадыров Ш.* Указ. соч. С. 327.

Известный советский писатель Василий Ян (Янчевецкий), служивший в начале XX в. в Туркестане, в своих воспоминаниях так пишет об Йомудском: «Интересное знакомство было у меня с большим знатоком Туркмении капитаном Н. Йомудским, рассказывавшим о своих предках, туркменских вождях и ханах, автором нескольких изданных на русском языке книг о прошлом туркменского народа. Йомудский не мог смириться с приниженным положением своей родины и мечтал о том времени, когда Туркмения расцветет, станет свободной. У него были свои причудливые фантазии. Как-то в совместной поездке верхом Йомудский вывел меня на вершину отрога огромной скалы, возвышавшейся над песками, откуда открывался далекий вид в глубь пустыни, и сказал, что “из этой скалы нужно высечь фигуру наподобие египетского сфинкса, лежащую и приподымающуюся. Она будет символизировать спящую и пробуждающуюся Туркмению...”»¹.

Дело Миркамиля Мумынбаева: спасая честь мундира

Еще одно политическое дело, о котором пойдет речь, как нельзя лучше иллюстрирует механизм принятия решений не только администрацией Туркестанского края, но и, что называется, на самом верху и роль Туркестанского районного охранного отделения в формировании «маний» и «фобий», которые возникали не на пустом месте, а на благодатной почве некомпетентности, помноженной на желании выслужиться в общегосударственной кампании по «охоте на ведьм».

В 1915 г. начальник ТРОО подполковник В. Э. Славин начал следствие против самого богатого человека Туркестанского края андижанского купца-миллионера Миркамиля Мумынбаева (в документах он упоминается и как Мир-Мумынбаев. — Т. К.), которого обвинил в подготовке восстания против России, распространении подпольных воззваний «на туземном языке» и сборе денег в пользу Турции. С июля 1915 г. купца содержали в Ташкентской тюрьме на основании Положения о чрезвычайной и усиленной охране. Генерал-губернатор настаивал на запрете Мумынбаеву в течение года проживать в крае².

Однако со стороны начальника Андижанского уезда полковника И. А. Бржезицкого³ возникли серьезные возражения. Он прямо заявил о «нерациональности» методов, используемых охранным отделением в управлении «туземным населением». Подполковник Славин, мягко

¹ Ян В. Г. Голубые дали Азии: путевые заметки. М., 1985. С. 560.

² В соответствии с пунктом 4 статьи 16 Положения о чрезвычайной и усиленной охране.

³ В историографии и источниках существует разное написание инициалов Бржезицкого — В. В., Ю. А. и И. А. Мы остановимся на варианте И. А. Бржезицкий, поскольку с такими инициалами он фигурирует в: Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / под. ред. А. В. Пяскового. М., 1960.

говоря, обиделся и обратился к генерал-губернатору Мартсону с ходатайством «о перемещении полковника Бржезицкого из Андижанского уезда». «Пожаловался» Славин и товарищу министра внутренних дел сенатору С. П. Белецкому.

Здесь необходимо отступление, чтобы ознакомиться с биографиями двух своеобразных дуэлянтов этого политического дела: полковника Бржезицкого и подполковника Славина.

Бржезицкий служил в Туркестане давно. Б. Л. Тагеев описывает геройское поведение поручика Бржезицкого на Памире в противостоянии с китайцами в 1890-е гг.¹ В воспоминаниях антрополога С. Д. Мстиславского о Бржезицком тоже сохранились теплые строки: «В Пенджикенте меня очень радушно принял участковый пристав, штабс-капитан Бржезицкий (впоследствии был Ферганским военным губернатором²), не в пример подавляющему большинству тогдашних администраторов хорошо знавший местные языки и быт “подвластного ему” населения»³.

Во время Андижанского восстания 1898 г. штабс-капитан Бржезицкий был ассакинским участковым приставом. Бржезицкий, к чести для него, не фигурирует в рамках скандального дела «Наливкин — Арендаренко»⁴, события которого развернулись на административных просторах Ферганской области в 1904–1905 гг., несмотря на то, что продолжал нести службу в Фергане. Последним местом его многолетней службы будет Ошский уезд, начальником которого он станет в начале 1917 г.

Подполковник Славин еще в 1914 г. носил совсем другую фамилию — Энгбрехт. В 1914 г. по Российской империи прокатилась волна германофобии⁵, не обошла она и Туркестан. Обрусевших немцев в Туркестане служило много. Начиная с первого генерал-губернатора края К. П. фон Кауфмана, обладатели немецких фамилий неоднократно становились главными начальниками края. В годы войны этот пост занимал Ф. В. Мартсон. Но подполковник Вячеслав Эдмундович Энгбрехт, видимо, решил застраховать себя от всех возможных неприятностей, и фамилия Славин как нельзя лучше соответствовала политической конъюнктуре⁶.

¹ Майер А. А., Тагеев Б. Л. Полуденные экспедиции: Очерки. М., 1998. С. 179.

² С. Д. Мстиславский ошибся. Бржезицкий никогда не был военным губернатором Ферганской области.

³ Воспоминания С. Мстиславского [публикация А. Савельева] // История. 2006. № 16. С. 46.

⁴ Котюкова Т. В. Повесть о том, как поссорился Владимир Петрович с Федором Михайловичем и Георгием Алексеевичем... // Полвека в Туркестане. В. П. Наливкин: биография, документы, труды. М., 2015. С. 84–131.

⁵ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. М., 2012.

⁶ Мы не располагаем информацией о происхождении фамилии Славин.

Интересную характеристику Энгбрехта–Славина оставил его сослуживец и однокашник¹ А. М. Поляков. В предвоенные годы он служил начальником Илецкого отделения жандармского полицейского управления Ташкентской железной дороги. Поляков вспоминал их последнюю встречу, состоявшуюся в 1915 г.: «Как ни рад я был нашей встрече (ведь сколько юношеских лет мы вместе были кадетами и юнкерами!), а все же моя радость омрачилась тем, что он — охранник. Когда я его упрекнул, зачем он пошел по охране, Энгбрехт ответил мне: “Ну, брат, где же бы я получал такое содержание, как не здесь! А потом я накануне производства в полковники”»².

До своего назначения в Туркестан Энгбрехт служил в Петербургском губернском жандармском управлении. В 1911 г. им был составлен систематический каталог библиотеки этого жандармского управления (книги, газеты, журналы и т. д.), всего свыше 3070 названий³.

Итак, полковник Бржезицкий — туркестанский старожил, за долгие годы службы, несомненно, успел изучить местную национальную среду и ее специфику, а подполковник Славин, будучи образованным человеком и приехав в Туркестан за карьерным ростом, не мог похвастаться знанием региона и вряд ли к этому стремился.

Рассмотрев представление подполковника Славина по делу Миркамыля Мумынбаева, а также заключение военного губернатора Ферганской области генерала А. И. Гиппиуса, генерал Мартсон признал доводы Славина «совершенно не основательными», о чем проинформировал сенатора Белецкого. Белецкий согласился с Мартсоном, добавив, что считает данный вопрос «ныне исчерпанным»⁴.

Кто же такой этот Миркамилль Мумынбаев и чем заслужил столь пристальное внимание туркестанской администрации? Миркамилль Мумынбаев был купцом, вернее — самым богатым купцом в Туркестане. Про него говорили: не верил банкам, берег деньги дома. Наконец решил отнести деньги в банк. Внес 100 тыс. руб., а на другой день пришел забирать обратно. Выдали, после чего он стал доверять банкам⁵. О его богатстве в крае ходили легенды, поскольку состояние оценивалось в 13 млн руб. Под стать состоянию была скупость Мумынбаева, о которой также слагались легенды. При этом, по мнению генерала Мартсона, он прекрасно ощущал политический пульс и занимался благотворительностью как в отношении мусульманских учреждений, так и Красного Креста. Он был неофициальным хозяином Андижанского уезда, одного из самых густонаселенных в Российской

¹ Поляков и Энгбрехт окончили Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус и 2-е военное Константиновское училище.

² Поляков А. Записки жандармского офицера // Жандармы России. СПб.; М., 2002. С. 514.

³ Библиография русской библиографии, 1901–1916 гг. / под ред. Г. Л. Левина М., 2011. С. 22.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5069. Л. 40–41.

⁵ Щапов Н. М. Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М., 1998. С. 223–247.

империи, поэтому неудивительно, что Миркамиль нашёл в уезде врагов, завистников и конкурентов.

Как это нередко случалось, нашёлся «сознательный гражданин», некто Александр Тимофеев, который и сообщил властям о государственной измене Мумынбаева. А. А. Тимофеев служил у Миркамиля, но в 1911 г. был уволен «за буйство в конторе» и на момент описываемых событий проживал в Андижане без определенных занятий. Тимофеев показался генералу Мартсону фигурой подозрительной, но подполковник Славин заверил, что Тимофеев — «бывший политический» и его доносу можно верить.

Расследование обстоятельств дела Мумынбаева велось под прокурорским надзором, но не было обнаружено никаких улик, указывавших на антигосударственную деятельность подследственного. «Провокация» — к такому заключению пришли генерал-губернатор, прокурор судебной палаты и его заместитель. Помимо сбора денег на строительство турецкого флота, очень неприятным фактом для следствия была имевшая место (якобы) встреча Миркамиля с Энвер-пашой. Это подтверждали три спутника Миркамиля, сопровождавшие его в поездке из Константинополя в Мекку. Но этот факт невозможно было проверить.

Что касается сбора денег в помощь Турции, то в 1912 г. супруга турецкого посла в Петербурге открыла сбор средств в Обществе Красного Полумесяца в пользу раненых в ходе Балканских войн турецких солдат. Эта деятельность была воспринята неоднозначно не только властью, но и самой мусульманской средой России. Тем не менее сумма пожертвований, например, в Иркутске составила 3257 руб. 63 коп., в Москве около 50 тыс. руб. и т. д.¹ Такие случаи были известны по всем регионам России, где компактно проживало мусульманское население. Мусульманские печатные издания в России выпускали специальные номера, где публиковали фамилии жертвователей в пользу раненых турецких солдат. Это явление было вполне закономерным, и формально правительство не могло его запретить, так как Османская Турция в это время воевала не с Россией. А ведь Миркамиль тоже собирал деньги для турецких солдат еще до того, как Турция вступила в войну против России.

Мумынбаев был влиятельным человеком, а это значит, что дело, заведенное против него, стало в крае резонансным, «взволновав глубокие слои обширного туземного населения».

После детального изучения дела Мумынбаева генерал Мартсон пришел к главному и неутешительному выводу: доказательств государственной измены не найдено, Миркамиля нужно освободить из-

¹ Сенюткина О. Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород, 2007. С. 437.

под ареста. Политическое дело туркестанской администрацией было проиграно. Будь Мумынбаев рядовым человеком, все можно было легко исправить: освободить из-под стажи, при этом он бы еще и спасибо сказал. Но ситуация была такова, что власти оставалось только расписаться в своей беспомощности, от чего, несомненно, могла пострадать честь мундира, а общественный рейтинг Миркамиля только возрастал.

Спасая честь этого самого мундира, генерал Мартсон принимает, как ему показалось, единственно правильное решение. Он ходатайствует перед министром внутренних дел о высылке Миркамиля из Туркестана в административном порядке на год. Спасал Мартсон честь не только собственного мундира, но и подполковника Славина, жившего в ожидании полковничьих погон, а вместе с ним и всего «русского начальства» Туркестанского края.

6 января 1916 г. министр внутренних дел А. Н. Хвостов отправил Энгбрехта–Славина в отставку, не дав ему дослужиться до заветных погон. Вслед за этим 22 февраля 1916 г. дело Мумынбаева, решением все того же министра было прекращено.

Летом 1916 г., в самый разгар Первой мировой войны, Туркестан охватило небывалое по масштабам и жестокости восстание. Миркамиль Мумынбаев и полковник И. А. Бржезицкий вновь встретятся. Мумынбаев и еще трое «уважаемых туземцев» придут к Бржезицкому договариваться об отсрочке по набору на тыловые работы¹.

Выступая 13 декабря 1916 г. в Думе с докладом о расследовании, проведенном в Туркестане в связи с событиями 1916 г., А. Ф. Керенский вспомнит факт ареста «андижанского миллионера»². Вспомнит о Мумынбаеве и А. Н. Куропаткин, анализируя причины восстания³.

В сборнике документов «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане» под редакцией А. В. Пясковского опубликованы переводы двух писем, якобы принадлежащих Мумынбаеву, о необходимости сопротивления жителей Коканда и Маргилана набору на тыловые работы и о призыве к восстанию. Эти письма Миркамиля Мумынбаева были переданы в Канцелярию военного губернатора Ферганской области одним из его слуг. Текст писем практически идентичен и выглядит следующим образом: «Да будет известно, что Вы должны быть единодушны с вашими жителями. По поводу набора солдат не бойтесь, скажите, что не дадите, ибо положение России критическое. Тут бояться не следует. По моему делу все андижанские жители дали показание. Ничего не могли сделать. Я же, дав 150 тыс. руб., избавился. Дела

¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / под. ред. А. В. Пясковского. М., 1960. С. 211.

² Восстание 1916 г. в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П. Г. Галузо. Ташкент, 1932. С. 105–126.

³ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / под. ред. А. В. Пясковского. М., 1960. С. 85.

Турции хороши. Поднять бунт из-за набора солдат легко. Только будьте единодушны. Читай и отвечай, и держи в секрете»¹.

Как можно заметить, а мы все же ставим под сомнение авторство Мумынбаева, текст писем откровенно примитивен для человека с таким высоким социальным статусом.

К письмам был приложен анонимный донос слуги, в котором говорилось, что Миркамиль Мумынбаев, отдавая ему письма для передачи по назначению, рассказал о рассылке им подобных писем и в другие места. Слуга-аноним просил о скорейшем производстве расследования, то есть о новом «деле Мумынбаева».

Имело ли смысл Мумынбаеву, миллионеру, влиятельному и уважаемому человеку, заниматься политической агитацией и пропагандой, или подполковнику В. Э. Энгбрехту–Слаvinу просто очень хотелось дослужиться до полковничьих погон?

О том, что стало с миллионами Миркамиля после революции, нам сообщает книга Александра Гзовского, очевидца революционных событий в Туркестане и разгрома Кокандской автономии «Полумесяц и красная звезда», изданная в Польше². По версии Гзовского, большевики прекрасно знали, что в Андижане живет богатейший человек Туркестана (Гзовский оценивает его состояние в фантастические 40 млн руб.). Эти деньги были жизненно необходимы для организации похода на Бухару. Гзовский, как настоящий театральный драматург, в красках описывает сцену расстрела большевиками Миркамиля, хотя сам, безусловно, не был очевидцем и мог получить информацию в лучшем случае от третьих лиц. Что здесь правда, а что литературный вымысел? Очевидно одно — в отличие от Туркестанского генерал-губернатора Мартсона, большевистское правительство Туркестана вряд ли стало церемониться с купцом-буржуем.

Все перечисленные «политические дела» 1909–1916 гг. были шиты белыми нитками и рассыпались при их объективном изучении. Анонимы-доносчики из своекорыстных интересов или из-за сотрудничества с охранкой за вознаграждение смогли раздуть шумные именно «политические» дела против депутата II Государственной думы от Ташкента Абдувахит-кары Абду-Рауф Кариева, известного туркестанского просветителя Мунавар-кары Абдурашидханова, подполковника русской армии Николая Николаевича Хана Йомудского, купца-миллионера Миркамиля Мумынбаева.

Не всегда обдуманное действия силовых ведомств увеличивали недоверие мусульманского населения к российским властям, особенно если обвинения в предательстве и антироссийском заговоре касались

¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / под. ред. А. В. Пяковского. М., 1960. С. 223–224.

² Junosza-Gzowski A. Polksiezyc i gwiazda czerwona. Wspomnienia nurkiestanskie. Warszawa, 1922. S. 92.

представителей национальной элиты. Борясь с антирусской турецкой пропагандой в среде мусульман Туркестана накануне и в годы Первой мировой войны, руководство Туркестанского районного охранного отделения своими непродуманными действиями «разворачивало» эту самую среду в сторону, противоположную интересам России в Туркестане.

Литература и источники

Библиография русской библиографии, 1901–1916 гг. / под ред. Г.Л. Левина М.: Российская государственная библиотека НИО библиографии, 2011. 230 с.

Боиович М.М. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Второй созыв. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1907. 519 с.

Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н. Толстого. М.: Правда, 1989. 446 с.

Воспоминания С. Мстиславского [публикация А. Савельева] // История. 2006. № 16. С. 43–52.

Восстание 1916 г. в Средней Азии: Сб. док. / под ред. П.Г. Галузо. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. 207 с.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. / под. ред. А.В. Пясковского. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 694 с.

Генис В.Л. «Бутафорская революция», или Российское полпредство в Хиве в 1920 г. // Восток. 2000. № 2. С. 5–26.

Икрамов К. Дело моего отца. М.: Советский писатель, 1991. 304 с.

Кадыров Ш. «Нация» племен. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003. 363 с.

Майер А. А., Тагеев Б.Л. Полуденные экспедиции: очерки. М.: Воениздат, 1998. 351 с.

Поляков А. Записки жандармского офицера // Жандармы России. СПб. М.: Издательский дом «Нева»–«ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 537 с.

Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь / сост. М.К. Басханов. М.: Восточная литература РАН, 2005. 295 с.

Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород: Изд-во НГЛУ; Изд. дом «Медина», 2007. 518 с.

Щапов Н.М. Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 1998. 335 с.

Ян В.Г. Голубые дали Азии: путевые заметки. М.: Советский писатель, 1985. С. 597–677.

Junosza-Gzowski A. Polksiezyc i gwiazda czerwona. Wspomnienia nurk-iestanskie. Warszawa, 1922. S. 111.

'POLITICAL CASES' IN TURKESTAN IN EARLY 20th CENTURY: 'SPY-MANIA' OR 'WITCH-HUNT'

Tatyana V. KOTYUKOVA,

Cand. Sci. (Hist.), senior research fellow,
Institute of General History, Russian
Academy of Sciences (32a, Leninskiy prosp.,
Moscow, 119334, Russian Federation).

E-mail: kotyukovat@mail.ru

Abstract. The article considers the history of a number of resonant political cases that illustrate in the best way possible the mechanism of decision-making not only in the administration of the Turkestan region, but also in the central government of the Russian Empire. The author also focuses on the role of the Turkestani regional security office in creating 'manias' and 'phobias'. It was the incompetence of the Turkestani administration multiplied by the desire of career development of certain high-ranking officials that provided a breeding ground for such 'manias' and 'phobias'.

Keywords: Turkestan, Muslims, political cases, Ministry of Internal Affairs, spy-mania, pan-Islamism, pan-Turkism.

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-155-176

